

В. А. Кошелев

О КОМПОЗИЦИИ СБОРНИКА «СТИХОТВОРЕНИЯ А. ФЕТА» 1850 года

Первая рецензия на сборник стихотворений Фета 1850 года¹ появилась в печати еще прежде выхода в свет самого сборника — в первом номере «Отечественных записок» на 1850 год. Выглядела она следующим образом:

«В наше непоэтичное время с каким-то особенным наслаждением останавливаешься на этом сборнике, который был бы замечателен, впрочем, и в эпоху, более нашей богатую изящными произведениями. Предоставляя себе удовольствие говорить в отделе критики о стихотворениях молодого даровитого поэта, мы ограничиваемся здесь только немногими замечаниями.

Имя г. Фета, известное уже довольно давно читающей публике, являлось несколько раз на страницах нашего журнала, — и между тем количество стихотворений поэта весьма невелико: его грех упрекнуть в борзописании. Лет в семь литературной деятельности небольшая книжка стихотворений! Правда, что в эту книжку не вошли прекрасные переводы из Горация, не вошла драматическая поэма Шиллера „Семела“, чрезвычайно удачно переведенная г. Фетом.

Книжка разделена автором на несколько отделов, из которых многие представляют нечто вроде лирических поэм, проникнутых единством чувства и содержания. Таковы: „Снега“, „Вечера и ночи“, „К Офелии“,

¹ См.: Стихотворения А. Фета. М.: В типографии Н. Степанова, 1850. Сборник вошел в состав первого тома выходящего ныне Собрания сочинений и писем Фета: *Фет. ССUII*. Т. 1. С. 53–182, 429–455.

„Мелодии“². Всех отделов XIII, и почти каждый отличается замечательными достоинствами. Издание книги очень опрятно».²

Автором этого анонса мог быть только один человек: Аполлон Александрович Григорьев, замечательный русский критик и неплохой поэт, в ту пору активно сотрудничавший в «Отечественных записках». Именно Григорьев, бывший приятелем Фета еще со студенческих времен (тогда они жили рядом, в смежных комнатках в мезонине григорьевского дома на Малой Полянке), лучше всех знал поэтические пристрастия Фета — и был, в частности, посвящен в его задушевную мечту: перевести на русский язык оды Горация (из которых к тому времени были напечатаны только немногие единичные тексты); именно он в свое время «благословил» к публикации его перевод поэмы Шиллера «Семела» (появившийся в 1844 году: *ОЗ*. 1844. Т. 35. № 7. Отд. I. С. 1–16). В следующем номере журнала Григорьев, как и обещал, выпустил большую статью под заглавием «Стихотворения А. Фета. Москва. 1849»,³ в которой подробнейшим образом этот сборник разобрал.

И в анонсе, и в статье критик стремится представить сборник вышедшим *ранее* той даты, которая объявлена на титульном листе: в одном случае он включен в число «новых сочинений», вышедших в декабре 1849 года, в другом 1849-й прямо обозначен годом издания. Кроме того, в рецензии неверно указано количество «отделов», в соответствии с которыми разделены стихотворные тексты: у Фета этих «отделов» не тринадцать, а пятнадцать. Кажется, что Григорьев писал этот анонс тогда, когда еще не держал сборника в руках: он просто его помнил — потому что сам его и составлял.

Это немаловажное обстоятельство Фет позднее отметил в предисловии к третьему выпуску «Вечерних огней»: «...все написанные стихотворения, вошедшие в „Лирический Пантеон“ и в издание 1850 г., собраны и сгруппированы рукою Аполлона Григорьева, которому принадлежат и самые заглавия отделов <...>».⁴ Это заявление Фет сделал лишь спустя четверть века после смерти Григорьева.

Обстоятельства создания сборника 1850 года рассказаны в мемуарах Фета «Ранние годы моей жизни». Осенью 1847 года, после двух с половиной лет безотлучного пребывания в Орденском Кирасирском кавале-

² *ОЗ*. 1850. Т. 68. № 1. Отд. VI. С. 1.

³ Там же. № 2. Отд. V. С. 49–72.

⁴ *Фет А. А.* Предисловие // *ВОЗ*. С. IV. Ср.: *Фет А. А.* Вечерние огни / Изд. подготовили Д. Д. Благой, М. А. Соколова. 2-е изд. М., 1979. С. 240 (Лит. памятники).

рийском полку, расквартированном в глухих местечках Херсонской губернии (Новогеоргиевск, Елисаветград, Михайловка, Красноселье, Ново-Миргород), Фет получил (от своего командира К. Ф. Бюлера) краткосрочный отпуск с поручением «принять от поставщика черные кожи для крышек на потники». Подлинной причиной этой поездки было, как указывает мемуарист, «томившее меня желание издать накопившиеся в разных журналах мои стихотворения отдельным выпуском». Об этой поездке Фет вспоминает: «Пробыв проездом в Новоселках самое короткое время, я прямо проехал в Москву к Григорьевым, у которых поместился наверху на старом месте, как будто бы ничто со времени нашей последней встречи не случилось. Аполлон после странствований вернулся из Петербурга и занимал по-прежнему комнатки налево, а я занял свои по правую сторону мезонина. С обычной чуткостью и симпатией принял Аполлон за редакцию стихов моих».

Далее в воспоминаниях Фет сообщает только о двух эпизодах этой работы. Переписчиком стихов для сборника выступил бывший гимназический учитель Григорьева, к тому времени спившийся, Павел Павлович Хилков, а его цензором — Василий Николаевич Лешков, профессор полицейского права Московского университета, некогда учивший Фета. Фет уверял, что все представленные стихотворения раньше печатались в журналах, а цензор обещал «по старому знакомству не задерживать меня».⁵

Действительно, цензор не задержал: помета на сборнике сообщает дату, когда он был разрешен к печати: «декабря 14 дня 1847 года». В тогдашнем обыкновении было, что через неделю, много через месяц после дозволения книга выходила в свет. В данном случае дело затянулось больше, чем на два года.

В «Летописи жизни А. А. Фета», составленной Г. П. Блоком, указывается, что Фет уволился в отпуск 27 сентября 1847 года; прибыл в Москву из Орла 22 ноября, а вернулся из отпуска 27 января 1848 года.⁶ Основные дела по изданию сборника он завершил еще в декабре: «Устроившись насчет печати с типографией Степанова и упросив Аполлона продержать корректуру, я принял кожи и через Новоселки и Киев вернулся в полк».⁷ Дело с изданием сборника казалось совсем улаженным: 23 декабря 1847 года «Московский городской листок» (в котором в то вре-

⁵ РГ. С. 487–489.

⁶ Летопись. С. 294–295.

⁷ РГ. С. 490.

мя сотрудничали Фет и Григорьев) сообщил читателям о скором выходе в свет этого сборника («замечательное явление в словесности»).

Однако в издании книги произошли какие-то задержки, связанные, вероятно, с необязательностью А. А. Григорьева и с его специфическим образом жизни. Он, кажется, попросту прогулял деньги, оставленные Фетом на типографию.

А сам Фет тем временем из своей херсонской глуши умоляет московских друзей заняться делами по его сборнику. 3 марта 1849 года в письме к ближайшему другу юности И. П. Борису он изливает душу: «Пока живешь, надо же и стараться исполнять обязанности, особенно которые возложены на нас нами же самими в отношении <к> другим. Это я намекаю на свои грешные стихотворения, которые когда выйдут — я не знаю. Но знаю одно, что если б я был там, то в одну неделю все было бы в исправности — и неужели никто не может посвятить на это несколько часов, чтобы меня выручить. К Григорьевым я писал самые убедительные письма, но все напрасно». В другом письме (от 18–29 мая 1849 г.) ситуация обрисовывается еще точнее: «У Григорьева недоданные деньги — у Степанова (Н. С. Степанов, владелец типографии. — В. К.) недопечатанные книги».⁸

Вновь приехать в Москву Фет смог только при очередной командировке: в середине декабря 1849-го, — и действительно решил все проблемы «в одну неделю». В самом начале 1850 года многострадальный сборник вышел в свет.

А Григорьев, ощущая свою вину, стремился ее хоть немножко «уменьшить» — поэтому и в объявлении о выходе сборника, и в статье о нем упорно указывал в качестве года выхода не 1850, а 1849-й... Все-таки пораньше...

Как бы то ни было, именно Григорьев стал фактическим «составителем» и «организатором» первых фетовских сборников — и эта его «систематизаторская» способность интересна для нашей темы более всего.

Уверяя своего цензора, «что все в сборнике было уже напечатано», — то есть прошло уже соответствующую цензуру, — Фет явно лукавил. Из 182 стихотворных текстов, в него вошедших, 85 публиковалось *впервые*; к тому же 12 стихотворений давалось в новой редакции, отличной от ранних журнальных публикаций.

Да и самих журнальных публикаций у Фета в 1847 году не было: вряд ли он, при той кочевой «кирасирской» жизни, которую вел в тече-

⁸ Письма к Борису. С. 85, 92.

ние двух с половиной лет, переезжая из одного херсонского местечка в другое, возил с собой тяжелые комплекты старых журналов. Фет вспоминает один случай, когда для того, чтобы убедить цензора в том, что «сомнительное» стихотворение (из цикла «Гадания») уже публиковалось раньше, ему пришлось ехать за журналом к издателю М. П. Погодину на другой конец Москвы...

Фет и Аполлон Григорьев, уединившись в это время для создания сборника, имели перед собой рукописи стихотворений — эти рукописи, к сожалению, до нас не дошли, как и предназначенный для цензуры экземпляр, переписанный спившимся учителем П. П. Хилковым. Но в ту неделю, пока Хилков переписывал, приятели много думали именно над тем, как расположить отдельные тексты, составив из них нечто цельное, адекватно представляющее *поэта* Афанасия Фета.

В письмах Аполлона Григорьева сохранилось косвенное упоминание об этой работе. В конце 1840-х — начале 1850-х годов он, служивший в Москве на далеко не «денежной» должности учителя законовения в Александровском сиротском институте и озабоченный необходимостью «подработок», сотрудничал в некоторых петербургских журналах в качестве литературного и театрального критика. Одним из таких журналов был «Репертуар и Пантеон» («Пантеон»), с редактором-издателем которого, известным водевилистом Ф. А. Кони, Григорьев сохранял приятельские отношения и, в частности, прежде доставил в журнал несколько стихотворений Фета. В письме его к Ф. А. Кони от 19 апреля 1850 года есть интересная приписка, касающаяся как раз присылки новых материалов для журнала: «С чего Вам представилось, что я послал Вам *стихи* Фета и притом — напечатанные? <...> Посылаю Вам его элегии: напечатанные вычеркнуты, ненапечатанные — Ваши».⁹

Очевидно, что Григорьев послал Кони часть той самой тетради копий фетовских произведений, что переписывалась в 1847 году. В ней были вычеркнуты 11 элегий, напечатанные в только что вышедшем сборнике. В майской книжке журнала «Пантеон» были опубликованы еще четыре элегии,¹⁰ в сборник не вошедшие (и, соответственно, Григорьевым не вычеркнутые): «Как много, Боже мой, за то б я отдал дней...», «Напрасно, дивная, смешавшись с толпою...», «Слеза слезу с ланиты жаркой гонит...» и «Следить твои шаги, молиться и любить...».

⁹ Григорьев Ап. Письма / Изд. подготовили Р. Виттакер и Б. Ф. Егоров. М., 1999. С. 40 (Лит. памятники).

¹⁰ Пантеон и репертуар русской сцены. 1850. Т. 3. № 5. С. 71–72.

Позднее эти четыре любовные элегии так нигде и не перепечатывались. Сам Фет о них, вероятно, забыл — и не включил их даже в список своего основного собрания. Между тем они были, по всей вероятности, отражением знаменитого (и во многом мифологизированного исследователями) романа Фета и Марии Лазич, который развивался как раз в годы издания сборника 1850 года. Судя по всему, Фет намеревался включить их в состав сборника, — а убрал их оттуда именно Аполлон Григорьев. Убрал отнюдь не по причине их низкого качества, — просто они, что называется, «не вписывались» в сборник, выбивались по тональности из общего настроения всего отдела «Элегии». И Григорьев посчитал за лучшее до поры до времени исключить эти четыре текста из состава сборника.

В отличие от позднейших «пестунов» Фета (вроде Тургенева или Страхова), Григорьев не особенно придирился к отдельным «неудачным» словам и оборотам и не считал себя вправе вмешиваться в его индивидуальный поэтический стиль. Задачу свою как *редактора* сборника он видел в другом: необходимо было *выстроить* сборник, составить из разновременных и достаточно разрозненных текстов некое цельное сооружение, соответствовавшее образу поэта.

Составление сборника лирических стихотворений издавна было серьезной проблемой для поэтов нового времени.

Традиционно стихотворения объединялись по *жанрам*, для которых в эпоху классицизма был определен достаточно пестрый, но понятный «реестр»: ода, элегия, эклога, эпистола, сатира, идиллия и т. п. В начале XIX столетия, когда в поэтической практике эта жанровая система уже разрушалась, К. Н. Батюшков прославленным сборником «Опыты в стихах» (1817) как будто утвердил некую «схему» организации разнородных лирических текстов. 52 стихотворения этого сборника были сгруппированы в три раздела: «Элегии», «Послания» и «Смесь». Такое деление, создававшее тройную архитектуру сборника и «утраивавшее» его смысловое пространство, оказалось весьма популярным: Батюшкову стали подражать многие поэты.

Даже Пушкин, решившийся в 1826 году выпустить, наконец, собрание своих лирических произведений, пошел по этому пути: его первый сборник разделен на «Элегии», «Разные стихотворения», «Эпиграммы и надписи», «Подражания древним», «Послания». Правда, Пушкин ввел и некоторое новшество: около каждого текста в оглавлении он указал дату написания, а заключил сборник не относящимся к «разделам» лирическим циклом «Подражания Корану». Уже через два года он, правда, отказался от жанрового принципа: основное, позже разросшееся

до четырех частей лирическое собрание «Стихотворения Александра Пушкина» (1828–1835) имело в своей основе хронологический принцип: стихотворения располагались по годам написания и наглядно демонстрировали творческую эволюцию поэта. Но и в этом, хронологически закреплённом, собрании Пушкин не отказался от лирических циклов.

Юношеский сборник Фета «Лирический Пантеон» (который также составлялся при участии Григорьева) был, без особых затей, разделен лишь на «Сочинения» и «Переводы»; «Сочинения», в свою очередь, разделялись на «Баллады» и «Лирические стихотворения», а «Переводы» были сгруппированы по признаку источника («Из Горация», «Из Гёте» и т. п.). Но уже первые журнальные публикации оригинальных стихов его — «Снега», «К Офелии», «Гадания», «Вечера и ночи» — были не чем иным, как ярко организованными лирическими циклами, которые сгруппировал тот же Аполлон Григорьев.

Фет в своих воспоминаниях назвал цикл «Снега» *«рядом стихотворений»*, объединённых общим «названием» и, соответственно, общей темой. В критическом обзоре сборника 1850 года в журнале «Москвитянин» те же «Снега» охарактеризованы как *одно* большое стихотворение, «подразделенное на девять небольших глав и писанное разными размерами». ¹¹ Сам Аполлон Григорьев дал несколько иное определение лирических циклов Фета: это «нечто в роде *лирических поэм*, проникнутых единством чувства и содержания». ¹² Как бы то ни было, именно цикл «Снега» и открывает фетовский сборник (точно так же как публикация этого цикла в январской книжке «Москвитянина» на 1842 год по существу открыла зрелое творчество Фета-лирика).

Все 182 поэтических текста в сборнике аккуратно пронумерованы, — но нумерация причудлива. Сборник разделен на *пятнадцать* отделов, обозначенных римскими цифрами. Характерная опечатка в этом обозначении (четырнадцатый отдел «Разные стихотворения» обозначен цифрой XVI) позволяет предположить, что в первоначальных вариантах количество отделов было еще больше. Последний, пятнадцатый, отдел включает в себя 14 переводов и выделен по признаку источника: «XV. Из Гейне». Несколько переводов из других авторов (Анакреон, Катюлл, Саади, Байрон, Мур, Гёте, Кернер), прямо обозначенные как переводы, вошли в другие отделы, наряду с оригинальными стихами.

¹¹ Москвитянин. 1850. № 6. Март. Кн. 2. Отд. IV. С. 39 (автор рецензии — Л. А. Мей).

¹² ОЗ. 1850. Т. 68. № 1. Отд. VI. С. 1. Курсив наш. — В. К.

Остальные четырнадцать отделов по своей структуре разделяются на две части. Семь отделов, в основе которых находятся «поэзные» структуры: «I. Снега», «II. Гадания», «IV. Вечера и ночи», «V. Талисман», «VIII. Соловей и роза», «X. Саконтала» и «XII. К Офелии». Содержание этих отделов не отражено в оглавлении, а в самом тексте отдельные части обозначены римской нумерацией (I, II, III, IV и т. д.). Это относится и к строфам или частям поэм («Талисман», «Соловей и роза», «Саконтала»), и к собственно лирическим циклам, части которых, как известно, могут восприниматься и отдельно одна от другой — как имманентные структуры. Принципиальной разницы между поэмой и лирическим циклом Аполлон Григорьев, как видим, не делает.

Другие семь отделов («III. Мелодии», «VI. Баллады», «VII. Сонеты», «IX. Элегии», «XI. Подражание восточному», «XIII. Антологические стихотворения» и «XIV. Разные стихотворения») представлены как серия собственно «лирических» структур, каждая часть которых должна восприниматься отдельно. В качестве знака этой «отдельности» каждый конкретный текст в «лирических» отделах обозначен в оглавлении (либо заглавием, либо начальной фразой) и пронумерован арабской цифрой (1, 2, 3, 4 и т. д.).

Заглавия «поэзных» структур организованы по *тематическому* признаку и прямо указывают на содержание поэмы или цикла. Заглавия «лирических» структур по своему характеру многообразны. Традиционные литературные формы ориентированы на традиционные жанровые обозначения («Баллады», «Элегии», «Антологические стихотворения») или на строфическую организацию («Сонеты»). Нетрадиционные формы требуют нового обозначения, связанного не столько с тематикой, сколько с мелодической организацией отдельных текстов: «Мелодии», «Подражание восточному». Наконец, то, что не «вместилось» в другие отделы, но тем не менее заслуживает внимания, оказывается объединено под заглавием «Разные стихотворения».

Эти «разные стихотворения» составили самый большой по количеству текстов отдел: 42 текста. Среди них оказались самые известные фетовские стихотворения: например, «На заре ты ее не буди...», ставшее еще с середины 1840-х годов популярнейшим в России романсом (на музыку А. Е. Варламова). Среди этой «смеси» оказались такие ключевые для Фета стихотворения, как «Хандра», «Весна», «Я пришел к тебе с приветом...», «Поделись живыми снами...», «Даль» («Облаком волнистым...»). Это обстоятельство как будто свидетельствовало, что время «жанровой» поэзии прошло, что наступает какая-то новая поэтическая эпоха.

Несмотря на причудливость и прихотливость такой структуры, именно она легла в основу композиции всех последующих собраний Фета.

После того «как издание пятидесятого года почти все разошлось», за редакцию фетовских стихотворений взялся И. С. Тургенев, цель которого принципиально отличалась от целей Ап. Григорьева. Он собирался прежде всего подвергнуть фетовские стихи «самой ревностной очистке», дабы добиться «красивого издания, для того чтобы им лежать на столике всякой прелестной женщины».¹³

А «прелестную женщину» менее всего интересует поэтическая личность — она озабочена более «красотой слога». Собственно, этим Тургенев и занялся прежде всего, «очищая» стихи Фета от всяческих «ошибок». Но, решая проблему «улучшения» конкретных поэтических текстов, Тургенев *не ставил задачи выработки композиции сборника*.

Все стихотворения, отобранные им из сборника 1850 года, оказались распределены по тем же разделам, которые придумал когда-то Ап. Григорьев, — Тургенев лишь убрал из сборника «неудачные», по его разумению, стихи и поэмы («Талисман», «Соловей и роза» и «Саконтала»). Кроме того, он ликвидировал два раздела («Сонеты» и «Из Гейне»), а те, что остались, распределил несколько по-иному и начал сборник традиционным разделом «Элегии». Он абсолютно не учел циклизацию и фактически разрушил прежние фетовские *циклы*, которые, с одной стороны, были значительно сокращены (да и сам сборник вышел поменьше — 143 текста вместо 182-х), с другой — не отделялись от собственно лирических *разделов*: все стихи «расшифровывались» в оглавлении и шли под единой (римской) нумерацией. Кроме того, Тургенев присоединил одно новое стихотворение к циклу «Вечера и ночи», два стихотворения включил в раздел «Элегии» (который, в соответствии с давней поэтической традицией, поставил в начало сборника) и четыре присоединил к «Антологическим стихотворениям». Все же остальные новые стихи (41 текст) были механически включены в раздел «Разные стихотворения» (несмотря на то, что некоторые из них ранее печатались в журналах под заглавием «Мелодия»). Новый сборник Фета по композиции внешне напоминал прежний, — но с большим и мало понятным «довеском» в конце.

Аполлон Григорьев остался недоволен и «тургеневской» правкой, и композицией нового собрания. В письме к Фету из Флоренции

¹³ Тургенев. Письма. Т. 3. С. 22. Письмо к Фету от 8 (20) февраля — 6 (18) апреля 1855 г.

от 4 (16) января 1858 года он предупреждает: «...пожалуйста, не верь ты в отношении к своим стихам никому, кроме Боткина и меня, разве только подвергай их иногда математическому анализу Эдельсона, — это для их здравого смысла, и кроме того, у него есть особенное *яркое* чутье, или чутье на *яркое*, но только на яркое, редко на тонкое и музыкально-неуловимое. Вообще верь только *критикам* в этом деле, а не поэтам, т. е. ни Тургеневу, ни Толстому, ни даже Островскому, по той простой причине, что они всегда смотрят сквозь свою призму. Наилучшее доказательство — несчастное издание второе, тургеневское».¹⁴

Вряд ли Григорьев отметил в этом «несчастном» издании искажения конкретных текстов — его, скорее, не удовлетворило формальное отношение другого фетовского «пестуна» к заданной им, Григорьевым, «форме» сборника: на месте живописного, естественно развивающегося живого целого возникла не очень удачная «модель».

Следующее свое издание — 1863 года — Фет готовил сам: как знак окончания собственного поэтического творчества вообще. Весь материал своего оригинального и переводного творчества он разделил на два тома (второй том — переводы), а в пределах первого тома выделил те же отделы, создав еще два новых: «Море» и «Весна» (в них была включена, кроме новых текстов, и часть прежних стихов из «Разных стихотворений»). Но больше всего опять-таки пополнился последний, «смешанный» отдел: в нем оказалось более трети всех оригинальных фетовских стихов.

Из четырех изданных Фетом выпусков «Вечерних огней» Фет попробовал как-то систематизировать (на сей раз — с помощью Н. Н. Стрехова и Вл. С. Соловьева) лишь первый выпуск (1883). Стихи в его составе он распределил по тем же основным отделам; только «Элегии» превратились в «Элегии и думы» да появился еще новый отдел: «Послания». Впрочем, вероятно, деление небольшого сборника на «отделы» в конце концов показалось автору бесперспективным: остальные выпуски «Вечерних огней» выходили уже без каких-либо «отделов» и стихотворения в них не располагались ни в хронологическом, ни в каком-то другом логически определяемом порядке.

В самом конце жизни Фет составил список своего основного собрания лирики — и тоже разделил его на отделы. Этот список сохранился в нескольких вариантах (написанных литературным секретарем поэта Е. В. Федоровой и Вл. С. Соловьевым). Оба варианта имеют разделение на «отделы»; в одном из них придуманы еще отделы «Лето» и

¹⁴ Григорьев *Ап.* Письма. С. 175.

«Осень» (очевидно, по аналогии со «Снегами» и «Весной»). Но опять-таки ничего принципиально нового в саму систему организации поэтических текстов и здесь не внесено. А в «старых», сохранившихся еще от сборника 1850 года разделах Фет старался не нарушать принятого Григорьевым порядка расположения поэтических текстов.

Издатель посмертного собрания сочинений Фета Б. В. Никольский довел этот принцип до абсурда, «тасуя» фетовские стихи по своему усмотрению и придумывая новые «циклы» под заглавиями: «Природа», «Звезды», «Грезы», «Сны», «Бессонница», «Сердце», «Детский мир», «Оды», «Стихотворения на случай»...

Словом, все, кто ни пытался организовать лирику Фета, в конечном счете возвращались к тем принципам, которые придумал Аполлон Григорьев применительно к сборнику 1850 года. Пытаясь «улучшить» естественное состояние его, новые составители все больше его выхолащивали и омертвляли. Один Григорьев, волею судеб ставший свидетелем «рождения» и «возрастания» великого русского поэта, сумел придумать его созданию соответствующую форму. И уже в 1856 году почувствовал, что на новом этапе нужно придумывать нечто принципиально *новое*: «новому» Фету «старые» формы были уже не к лицу.

Критик Григорьев, составляя фетовский сборник 1850 года, ставил перед собой нетривиальную задачу. Он вовсе не занимался отбором «лучшего» и не собирался даже на малую толику «приукрашивать» своего друга-поэта. Вполне осознавая, что поэт должен быть представлен своей *личностью*, он в самой структуре его лирического собрания проводил самые разные черты этой личности, подчас — не самые лучшие черты.

Поставленный перед необходимостью критически оценить этот сборник Фета, Григорьев остается весьма строг в конкретных оценках: отдел «Гадания» — «ложен» по своему замыслу, поэма «Талисман» — «слаба и плоха», «о сонетах г. Фета сказать много нечего», в отделе «Разные стихотворения» «читателя поражает странный недостаток выбора» и т. п. Но приводя не очень лестные конкретные оценки, критик тут же констатирует яркое впечатление от целого: «Творчество поэта лирического заключается в сообщении осязаемости мысли, которая тогда только становится поэтической, когда при самом зарождении своем получает крепкое тело, или, лучше сказать, зарождается вместе с своею формою и выливается облеченная в соответственные ей звуки и краски, как Паллада вышла вполне вооруженною из головы Громовержца».¹⁵

¹⁵ ОЗ. 1850. Т. 68. № 2. Отд. V. С. 49–50.

В качестве единственного «образца» и «идеала» для Фета в восприятии Григорьева представляется Гёте, «истинный идеал поэта по преимуществу», отличающийся «необъятной полнотой»: «Это — эхо природы и человеческого духа, на все равно отвечающее, все возводящее равно в перл создания».¹⁶ Но, подчеркивает критик, Фета нельзя воспринимать как *подражателя* Гёте по той простой причине, что «Гёте подражать нельзя». Фет лишь сформировался «под влиянием классических образцов и преимущественно под влиянием Гёте»:¹⁷ «...влиянию великого старого учителя обязан понятливый ученик и внутренним достоинством, и замечательным успехом своих стихотворений, и, наконец, *самую изолированность своего места в русской литературе*».¹⁸

Естественно, что в глазах Григорьева «образцом» и «масштабом» для создания сборника фетовской лирики оказался сборник лирики Гёте — прежде всего конструкция и форма его причудливой книги «Западно-восточный диван» (1819). Этот сборник Гёте вынашивал много лет и придал ему строгую цикличную конструкцию: он разделен на 12 книг, каждая из которых озаглавлена («Книга певца», «Книга Хафиза», «Книга любви», «Книга размышлений» и т. д.) и представляет отдельные тексты в строго заданном порядке; к ним присоединена еще «прозаическая» часть, нужная для «лучшего уразумения» целого. При всем том эта конструкция, как указывает А. В. Михайлов, «не означает жесткой необходимости»:

«Произведений, из которых „слова не выкинешь“, не бывает, а „Западно-восточный диван“ — произведение, в котором можно представить себе много перемен. Конструктивность „Западно-восточного дивана“ заключается в создании таких опор формы, которые могут заполняться свободно и как бы произвольным материалом. „Произвольность“, конечно, относительна и нимало не противоречит той продуманности, с которой расставлены слова-„зеркала“ гетевского произведения. Однако и степень свободы велика. В поэтических книгах „Западно-восточного дивана“ стихотворения образуют некоторый „органический“ порядок, но, во-первых, этот порядок устанавливается всякий раз особо, во-вторых, достаточно свободно, *поэтому* его, собственно говоря, трудно нарушить».¹⁹

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 53.

¹⁸ Там же. С. 55. Курсив наш. — В. К.

¹⁹ Михайлов А. В. «Западно-восточный диван» Гете: смысл и форма // *Гете И.-В. Западно-восточный диван* / Изд. подготовили И. С. Брагинский, А. В. Михайлов. М., 1988. С. 643.

Аполлон Григорьев стремился к столь же свободной и «органической» конструкции. «Поэзные» отделы сборника чередуются с «лирическими» отделами — а само различие нумерации текстов (причудливое чередование арабских и римских обозначений) становится сигналом соответственной «свободы» или «закрепленности» восприятия. В цикле «Снега», к примеру, конкретный текст лучше воспринимать в контексте восьми остальных, учитывая «место», на котором этот текст расположен. А в «Мелодиях» или «Элегиях» такое «соотнесенное» восприятие вроде бы и не нужно. С другой стороны, и эта «свобода восприятия» относительна, потому что автор представляет как раз постоянную смену интонаций и мотивов — и характер этой «смены» интересен и показателен сам по себе.

Отдельные «кирпичики» конструкции фетовского сборника 1850 года спорадически образуют некоторое движение, переход. Конечной целью этого «перехода» является не создание некоего энциклопедического целого, — как у Гёте, собравшегося дать энциклопедию культуры Востока, — а воссоздание некоего комплекса разнородных чувств русского поэта в его столкновении с разными сторонами русской действительности. Иные из этих сторон толкают на «замкнутость» и исходную цикличность притяжения жизни; другие, напротив, образуют открытые сюжеты и финалы.

Такое причудливое по характеру собрание стихов становится аналогом душевной жизни человека, который то неуклонно стремится вперед, то возвращается к уже пройденному. А книга, фиксирующая эту душевную жизнь, требует постоянного перечитывания: не обязательно целиком — естественнее даже какими-то понравившимися ее частями. Только возвращаясь к прочитанному, заново воспринимая, переосмысляя и оценивая события, отраженные в словах, можно постигнуть эту простую жизнь.